

Тот человек бросил на него взгляд, не вступая в спор. Он знал, почему Лу Цисэнь убил тогда? Разве не из-за того, кого он называл «маленьким сопляком»?

— Кстати, какие у тебя планы на Тин Жуя? Ты всё ещё следуешь изначальному плану? Я заметил, что он недавно разрушил несколько твоих замыслов, но ты, похоже, не особо переживаешь. Что ты задумал? Я просто предупреждаю, через несколько месяцев ему исполнится восемнадцать, и тогда Тин Чжэнмин уже не сможет его контролировать. Он сможет легко унаследовать состояние, оставленное его дедом.

— Зачем мне спешить, — ответил тот человек. — Ты же сам сказал, что Тин Чжэнмин не сможет его контролировать и будет ещё больше нервничать. Я просто посмотрю, какие глупости он совершит.

— Верно, — согласился мужчина.

Тин Чжэнмин был для него образцом глупца. Ведь найти мужчину, который выдвигает любовницу, чтобы сдерживать собственного сына, — это редкость.

— Ты знаешь, что делаешь, — мужчина внимательно посмотрел на него. — Я просто боюсь, что ты в итоге проявишь мягкость и не сможешь довести дело до конца.

В озере плавали разноцветные рыбки с длинными вуалевыми хвостами, мирно плавая и иногда клюя свежие листья, свисающие с поверхности воды, создавая лёгкую рябь.

После короткой паузы тот человек усмехнулся:

— Что мне мешает? Только то, что он сын Гуань Сусу? Ты слишком низко меня ценишь.

— Тем лучше, — многозначительно сказал мужчина.

Тот человек выпил остывший чай до дна, и чашка с глухим стуком опустилась на стол. Птицы «Боинь», испуганные звуком, взлетели и разлетелись в разные стороны.

Центральный округ, Хайчэн, семья Сунь.

— Госпожа, вам письмо, — только Чу Лин вернулась домой и сняла тяжёлую шубу, как подошёл дворецкий и протянул толстый белый конверт.

На конверте не было ни подписи, ни адреса, только напечатанные слова «Госпожа Сунь», которые он нашёл утром в почтовом ящике.

— Мне сначала проверить его? — Всё-таки это подозрительная вещь, и дворецкий беспокоился, что она может быть опасной. Однако письмо — это личная вещь, и он, по своей чести, не стал бы открывать его без разрешения.

— Открой, — Чу Лин равнодушно махнула рукой.

Она всегда считала себя безупречной, и ей нечего было скрывать.

Дворецкий кивнул, взял нож для бумаги и аккуратно разрезал край конверта, вытряхнув из него стопку фотографий.

На фото не было ничего шокирующего, по крайней мере, не то, что представлял себе дворецкий — сцены измены мужа или жены. Это были скорее снимки из жизни одного

человека.

На фотографиях мужчина был одет в разные наряды, появлялся в различных местах, иногда сидя, иногда лёжа. На некоторых снимках он даже превращался в огромного змея, поглотив добычу и засыпая с раздутым животом.

Однако, когда он был в человеческом облике, его лицо всегда оставалось суровым, с резкими чертами, тёмным взглядом и тонкими губами, сохраняющими холодное выражение.

Дворецкий осторожно наблюдал за выражением лица Чу Лин, гадая, какое отношение этот человек имеет к ней и почему кто-то прислал его фотографии.

Чу Лин задрожала. Она дрожащей рукой взяла фотографию, на которой мужчина стоял против света, его глаза, будто намеренно или случайно, смотрели прямо в объектив.

Его холодные светлые глаза, словно хищник, замерший в ожидании жертвы, излучали опасность.

Она закрыла глаза, чувствуя, как перед глазами мелькают тёмные пятна, а в горле поднимается привкус крови, наполняя рот сладковатым металлическим вкусом, от которого её тошнило.

— Госпожа, госпожа! Что с вами? — В ушах раздался тревожный голос дворецкого.

— Всё в порядке, — она оперлась на спинку дивана, стараясь сохранять спокойствие.

Она не хотела больше смотреть на эти фотографии, боясь, что они снова напомнят ей о том кровавом дне, о кошмаре, который не покидал её.

О том, как её сын, её драгоценность, погиб от рук этого человека.

Тот день она помнила до мельчайших деталей. Она прибежала в больницу, услышав новости, но ей сообщили, что сын уже скончался. Она, несмотря на все уговоры, настояла на том, чтобы увидеть его в последний раз.

И увидела самое ужасное зрелище в своей жизни.

Её сын, с раздробленными костями, лежал как изуродованная кукла на белой простыне, с кровью, текущей из всех отверстий, с искажённым лицом, и только маленькая родинка на лбу напоминала о его прежнем облике.

В приступе гнева и горя Чу Лин потеряла сознание.

Когда она очнулась, её сына уже отправили в крематорий, превратив в горстку пепла, упакованного в маленький деревянный ящик, который должен был быть погребён в тёмной земле.

Никто не говорил за него, все лишь твердили, что он получил по заслугам, что смерть была слишком лёгкой для него. Если бы он не умер, его приговорили бы к пожизненному заключению в Двенадцатом округе.

Ведь он был людоедом.

Узнавшие правду люди негодовали.

Но для Чу Лин это не имело значения. Ей было всё равно, сколько людей её сын убил, что тот, кто убил его, действовал в порядке самообороны. Она знала только одно — он должен заплатить за это!

И она обратилась к брату мужа, влиятельному премьер-министру, умоляя и уговаривая, пока он не согласился помочь ей. Он выслал убийцу в Двенадцатый округ, где тот должен был страдать, чтобы утолить её гнев.

Но теперь этот человек вернулся в Центральный округ, живой и здоровый, и жил так спокойно. Как она могла смириться с этим?

Яо Сюэшэн временно отступила, но она не собиралась сдаваться. Она ещё не знала, что Чжун Хайшэн скоро потеряет власть, и потому продолжала смотреть на Тин Жуя свысока. Она думала, что время на её стороне, и она сможет медленно добиваться своего.

После обеда объявление о наказании Тин Жуя было отозвано.

Интерес публики был недолгим, и, не найдя новых сенсаций, они быстро потеряли интерес.

Зато история с публичным унижением Яо Сюэшэн привлекла больше внимания. Теперь, куда бы она ни пошла, ей казалось, что на неё указывают пальцем, и насмешливые взгляды ощущались как острые иглы.

Конечно, она не могла подойти и спросить, смеются ли над ней, ведь её образ доброй и мягкой девушки нельзя было разрушить. Она лишь выпрямляла спину и шла сквозь толпу, изображая безразличие, хотя внутри кипела от злости.

Тин Жуй же оказался в совершенно другой ситуации.

В обед он пошёл поесть с Сюн Юанем, а вернувшись, обнаружил свой стол заваленным странными подарками: драгоценная ветка «Сюйсян» учителя Ли из второго класса, редкая учебная книга, самодельное печенье, подгоревшее до чёрного...

Тин Жуй взял последнее и, услышав возглас Сюн Юаня «Что это, это вообще съедобно?», интуитивно посмотрел на Мо Жу.

Мо Жу смотрела на него с горящими глазами.

Тин Жуй посмотрел на печенье в прозрачной упаковке, задумался на секунду и сказал:

— Думаю, если бы ты использовала это против Цюй Цзышуя, он бы не дожился до сегодняшнего дня.

Мо Жу: «...»

Она с надеждой посмотрела на него:

— Не суди по внешнему виду, на самом деле...

— На самом деле оно на вкус ещё хуже, — перебил Сюн Юань.

Мо Жу... Мо Жу не могла не согласиться.

— Эх... — она с вздохом опустила на стол. — Я просто хотела сказать спасибо. Говорят, что

подарки, сделанные своими руками, более искренние.

Но твои таланты явно не в этом!

Мо Жу была избалованной девушкой, которая никогда не занималась готовкой. Идея испечь печенье для Тин Жуя возникла благодаря совету её подруги. Вся подготовительную работу сделал учитель кулинарии, а ей оставалось только поставить печенье в духовку и достать его.

<http://bllate.org/book/16324/1473506>